

ДЕТЕКТИВ С ТАИНСТВЕННОЙ ИСТОРИЕЙ

Анна
КРИЗСЕВА

НАСЛЕДНИЦА
ПОРОЧНОГО ГРАФА

Детектив с таинственной историей

Анна Князева

Наследница порочного графа

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Князева А.

Наследница порочного графа / А. Князева — «Эксмо»,
2016 — (Детектив с таинственной историей)

Все отговаривали Дайнеку, но упрямства ей не занимать! Несмотря ни на что, она все же устроилась на работу в Дом ветеранов сцены, расположенный в мрачном загородном имении графа Измайлова. По легенде, граф был человеком порочным и психически больным, он убил свою добродетельную жену Анну и спрятал на территории усадьбы несметные сокровища... В пансионате и теперь происходят страшные необъяснимые события: его обитатели видят призраков и боятся поодиночке ходить по мрачным коридорам. Народную артистку Лукерью Темьянову пыталась задушить женщина с белыми крыльями, якобы влетевшая в окно... Директор пансионата поручила Дайнеке разобрать архив Измайловых. Вскоре девушка заметила, что в ее отсутствие документы графа просматривает кто-то еще, и решила ночью подстеречь непрошеного гостя...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Князева А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	26
Глава 5	29
Глава 6	32
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Анна Князева

Наследница порочного графа

© Князева А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

Машина встала на проселочной дороге у черного леса. Водитель вышел и поднял капот. С этого момента Дайнека не видела его и не понимала, что происходит.

Сначала она прислушалась, потом напряглась и, наконец, вышла на обочину. Решившись, заглянула под капот и спросила:

– Что случилось?

– А черт его знает! – ответил водитель и посоветовал: – Ты пока покури...

– Я не курю, – поежившись, Дайнека подняла воротник.

На дороге было холодно и темно. Прижимаясь к «Волге», Дайнека свято верила, что водитель исправит поломку и они скоро уедут. С ее стороны это было чистейшим самообманом, но она ничего не могла изменить.

С постыдным сожалением Дайнека признала, что пророчества отца начали сбываться. Не далее как нынешним утром, узнав о ее новом месте работы, он недоуменно спросил:

– Надеюсь, ты пошутила?

Она ответила:

– Нет. Я серьезно.

– Послушай, – Вячеслав Алексеевич приблизился к дочери и заглянул ей в глаза, – стоило ли для этого учиться в университете?

– Заместитель директора – хорошая должность.

– Ты окончила факультет государственного управления и...

Дайнека перебила:

– ...и буду работать в государственном учреждении.

– Горшки выносить? – съязвил Вячеслав Алексеевич.

– При чем тут горшки? – обиделась она. – Там взрослые люди!

– Людмила... – отец вздохнул и, отвернувшись, сказал: – Ты не знаешь, что такое старость.

– Имеешь в виду себя? – пошутила Дайнека.

– При чем тут я? Речь идет о тех стариках... – он обернулся. – Как называется их богадельня?

– Пансионат «Дом ветеранов сцены».

– И что это значит?

– Все они в прошлом артисты.

– Больших и малых... – саркастически изрек отец. У него не осталось никаких аргументов, только надежда: – Уверен, скоро ты сама оттуда сбежишь... И где находится это богом забытое место?

– В тридцати километрах от Москвы, в бывшем загородном дворце графа Измайлова.

– Бедные старики живут в этих руинах? Я был там лет десять назад. Печальное зрелище.

– Дворцовый комплекс недавно отреставрировали.

– Надеюсь, прежде чем согласиться, ты побывала там?

– Нет. А зачем?

Отец недовольно крякнул:

– Очень неосмотрительно!

– Я посмотрела их сайт.

– Этого недостаточно. – Вячеслав Алексеевич сообразил, на чем ее можно подсесть. –

Собираешься каждый день ездить на работу за тридцать километров?

– Ну, во-первых, у меня есть машина...

- И это не упрощает задачу, скорее наоборот.
- Не принимая его доводов, Дайнека продолжила:
- Во-вторых, ездить необязательно.
- В самом деле? – не сдержавшись, Вячеслав Алексеевич улыбнулся.
- Мне предоставляют жилье.
- Радостно... – он скривился. – Койку в общежитии?
- Отдельную комнату.
- Не разделяю твоего оптимизма.
- И не надо. Ты забыл, я уже взрослая и сама решаю, что для меня лучше.

Ее замечание прозвучало неоправданно резко. Отец словно обмяк, потом, помолчав, спросил:

- Что делать с Тишоткой? – речь шла о собаке Дайнеки.
- Забери на время к себе на дачу.
- Настя и Серафима Петровна будут рады. Они его любят.
- К счастью, без особой взаимности, – не сдержалась Дайнека.
- Зачем ты так?
- Как?
- Не по-доброму.
- Каков привет, таков и ответ.

Вячеслав Алексеевич опустил голову:

- Раньше ты была намного добрее.

Покраснев, Дайнека прижалась к отцу:

- Прости меня, папа...

Она до сих пор чувствовала себя виноватой. Вячеслав Алексеевич надеялся, что Дайнека найдет общий язык с мачехой и ее матерью, но она не собиралась этого делать. Вопрос взаимопонимания витал в воздухе, но, к счастью, уже не набирал оборотов.

Лес начинался сразу у края дороги. Казалось, что вокруг тихо. Но в этой тишине можно было различить множество звуков: шум ветра в кронах деревьев, протяжный стон птицы, хруст льдинок под чьими-то проворными лапками.

Дайнека натянула на голову шарф, сожалея, что не взяла с собой шапку. По договоренности с директрисой пансионата водитель забрал ее из дому в три часа дня, но предупредил, что у него остались невыполненные поручения. Они мотались по Москве до позднего вечера. Когда, наконец, удалось вырваться за пределы столицы, все планы перечеркнула авария на шоссе и, как следствие, гигантская пробка.

Пришлось свернуть на проселок, где их «Волгу» изрядно потрепало по ухабам, и древняя развалюха сломалась.

- Ну что? – Дайнека снова заглянула под капот.
- Ничего, – со слезой в голосе ответил водитель, пятидесятилетний коротышка с фамилией Квят. Он представился ей сразу, как только приехал.
- И что же нам делать?
- Говорил я директрисе Татьяне Ивановне... Менять нужно... Менять!
- Деталь?
- Машину! – крикнул Квят и снова влез под капот, где лежал китайский фонарик, освещающая убогое нутро старой машины. Минутой позже его голос раздался уже оттуда: – Одно слово: Песня!

Он сказал так, потому что директриса пансионата носила романтическую фамилию Песня.

Дайнека сунулась в салон автомобиля, но там было еще холоднее, чем на улице. Передумав, она захлопнула дверцу и обернулась к лесу. В голову пришла безрассудная мысль:

а что, если взять и ринуться в еловую чащу, да и бежать сквозь нее, не ведая страха? Бежать и бежать, быстрее осеннего ветра, чтобы никто не догнал и не вцепился в тебя зубами?

Внезапно из леса вырвалась большая черная птица. Перелетев через диск полной луны, она закричала и стала описывать большие круги. Дайнека мгновенно влезла в машину, решив ни взглядом, ни даже мыслями не тревожить загадочный лес. Никто не знает, что творится в его глубине. Живет ли там неведомый зверь или болотная нечисть, или, может быть, притаился злой человек. Через стекло ей вдруг почудилось, что за деревьями мелькнул огонек. При мысли, что в ночном лесу кто-то бродит, Дайнеке стало не по себе.

Ремонт автомобиля закончился, когда страх овладел ею всецело. Захлопнув капот, водитель вернулся в машину, завел ее, и они тронулись с места. Дайнека оглянулась и, не заметив ничего подозрительного, облегченно вздохнула.

– Здесь рядом болото, – сказал Квят. – Клятое место.

– Что значит клятое? – поинтересовалась Дайнека.

– Плохое, страшное, проклятое, – он покрутил головой. – Ну, как вам еще объяснить?

– Не надо объяснять, я поняла.

– И что характерно... – водитель поглядел на нее. – Не курите?

– Нет, не курю.

– Ах да... Вы уже говорили... – Он потянулся и вынул из бардачка сигареты. – Не возражаете?

– Нет, не возражаю. Курите.

– И что характерно, – повторил Квят, прикуривая сигарету. – Как только еду этой дорогой, непременно сломаюсь.

– Почему? – невинно осведомилась Дайнека.

– Я же говорю: клятое место! – Ограничившись таким объяснением, он поинтересовался: – В гости?

– А разве Татьяна Ивановна вам не сказала?

– Нет, не сказала, – Квят усмехнулся. – Одно слово: Песня.

– Буду работать в пансионате.

Водитель повернул голову и смерил ее взглядом:

– Сколько вам лет?

– А почему вы спрашиваете?

– Думал, вы чья-то внучка. В смысле, едете навестить стариков.

– Я только что окончила университет.

– Зачем же вы согласились на эту работу?

– А что в этом такого? – удивилась Дайнека.

– Теперь все хотят заработать.

– Я тоже не бесплатно иду.

– Разве ж это деньги! – Квят даже крикнул.

– Но вы же не знаете, сколько...

– Знаю, милая, знаю. У нас много не платят.

– Мне хватит, – она удовлетворенно кивнула.

– А я увольняюсь.

– Почему? – поинтересовалась Дайнека.

Квят повторил:

– Разве ж это деньги! Машина старая, много мороки. Одно жалко: комнату потеряю.

– Вам тоже предоставляют жилье? – осведомилась она.

– Да разве ж это жилье? Одно название, что дворец. Удобства в конце коридора... – Он тяжело вздохнул. – Все равно жалко.

– Я читала, что некогда дворец принадлежал графу Измайлову?

- Ну, так это когда было!
- Все равно – интересно.
- Наши старухи уверены, что в спальном корпусе живет призрак его жены.
- Графини Измайловой?
- Чей же еще.
- А сколько всего корпусов?
- Три. Все соединены подземными переходами. Но я стараюсь там не бывать.
- Почему?

Водитель пожал плечами:

- Прошелся как-то, с тех пор – только по улице.

Дайнека переспросила:

- Но почему?
- Сами поймете.
- Страху нагоняете? – с улыбкой предположила она.

– Зачем? – серьезно ответил Квят. – Мне это без надобности. – Он взглянул на часы и резко прибавил скорости: – Десять минут одиннадцатого! Вот ведь незадача!

Машина взбиралась в гору, фары освещали ближайшие несколько метров дороги. Казалось, что она закончится там, куда не долетает дальний свет.

То, что случилось дальше, представилось Дайнеке невозможным кошмаром. Из леса выбежал нагой человек и бросился навстречу машине. Квят резко затормозил, но было уже поздно. От столкновения мужчину подбросило, после чего он упал на капот.

Дайнека увидела перед собой окровавленную голову, сбитые пальцы и грязные ногти, скребущие по ветровому стеклу.

В ту же минуту она потеряла сознание.

Глава 1

Как он там оказался?

Директор пансионата, немолодая крупная женщина, сидела за столом медсестры и с сожалением глядела на Дайнеку. Заметив, как трясутся ее пальцы, сочувственно предложила:

– И все же нужно вызвать «Скорую помощь».

Дайнека покачала головой.

– Нет. Не хочу.

– Тогда идите в постель. – Директриса спросила у медицинской сестры: – Лариса, у нас есть место в больничной палате?

– Есть, – кивнула медсестра и перевела взгляд на Дайнеку.

Та сказала:

– Спасибо. Я лучше здесь посижу. Мне нужно поговорить со следователем.

– Когда он освободится, я вас разбужу, – пообещала директриса. – Вы же еле на ногах держитесь.

– Я сижу, – улыбнулась Дайнека.

– Видели бы вы себя в зеркало.

– Знаете, перед глазами – одна и та же картина...

– Да-да, – Татьяна Ивановна Песня покачала головой. – Бедный Тихон Иванович... Он в нашем пансионате всего несколько месяцев. Ума не приложу, как он мог ночью очутиться в лесу. В семь часов вечера я видела его в столовой на ужине.

– На нем не было одежды, – сказала Дайнека.

– И это странно, на улице – минус два, конец октября.

– Кто-нибудь проверил, в чем он ушел?

– Этим занимаются полицейские. – Взглянув на часы, Песня вздохнула: – Боже мой!

Два часа ночи.

Дайнека провела рукой по лицу:

– Как я здесь оказалась?

– Вас привез Квят вместе с Безруковым, но Тихона Ивановича сразу отправили в город.

– В морг? – спросила Дайнека.

– Зачем же? В одиннадцать часов вечера он был еще жив, но без памяти. Что с ним сейчас – неизвестно.

– Вы видели его?

– А как же... Меня подняли с постели. Представьте себе, со сна увидеть такую картину... Господи, прости меня, грешную!

– А я ничего не помню.

– Странно... По крайней мере, сюда, в медпункт, вы пришли своими ногами. Такое бывает, тело восстанавливается быстрее, чем мозг.

– Вы медик?

– Я директор.

Дайнека непроизвольно поморщилась:

– Это я знаю. Просто думала, что вы окончили медицинский.

– Скажете тоже! – махнула рукой Песня. – Я училась в институте культуры.

– Здесь, в Москве?

– Нет. В Улан-Удэ. Это в Бурятии.

Взглянув на директрису, Дайнека заметила:

– На бурятку вы не похожи.

– Что же вы думаете, в Бурятии только буряты живут?

Беседа зашла в тупик.

– Может быть, сходим, поищем следователя? – предложила Дайнека. – Не знаете, где он сейчас?

– Все полицейские в спальном корпусе.

– А мы где?

– Мы – в общем.

– Что значит, в общем?

– Здесь располагается администрация, медицинская часть, столовая, кухня, актовый зал и, кстати, библиотека, – пояснила Татьяна Ивановна.

Дайнека снова спросила:

– У вас есть библиотека?

– Да, и очень хорошая. Но мы еще вернемся к этому разговору. А теперь...

– Идем? – Дайнека поднялась на ноги.

– Уверены, что дойдете?

– Здесь далеко?

– Как сказать... Если желаете, имеется инвалидное кресло.

– Ну нет! – Дайнека направилась к двери. – Я в полном порядке.

Они вышли в коридор. Медсестра заперла дверь кабинета.

– Татьяна Ивановна, я могу пойти подремать? – спросила она.

– Иди, Лариса, иди... Если что-то случится, за тобой кто-нибудь прибежит.

Девушка ушла в сестринскую. Дайнека с Татьяной Ивановной спустились по широкой парадной лестнице на первый этаж и свернули в темную галерею.

– Раньше эта галерея называлась Римской – из-за того, что на стенах располагались лепные композиции, изображающие сцены из истории древнеримских сражений. В ходе реставрации кое-что удалось сохранить. Сейчас здесь темно, но завтра утром вы сможете все рассмотреть.

Дайнека спросила:

– Куда ведет галерея?

– Она огибает актовый зал, который имеет овальную форму, и заканчивается у старинной винтовой лестницы.

– Будем подниматься?

– Нет, наоборот, спустимся в подземный переход... – директриса непроизвольно понизила голос. – Но не по лестнице. Она хоть и крепкая, но ее давно никто не использует. Есть пандус, который соорудили во время реконструкции здания. И еще лифт на четырех человек.

– Зачем лифт?

– Не забывайте, у нас живут старики. И, должна заметить, лифт влетел нам в копеечку...

В конце галереи пол плавно перешел в пологий шершавый пандус, по которому они стали спускаться вниз. Татьяна Ивановна указала на черную винтовую лестницу:

– В царские времена по ней можно было попасть из парадной опочивальни графа Измайлова в дворцовые подвалы, где начинался подземный переход. Мы, кстати, уже в нем.

Дайнека обвела взглядом овальный свод коридора, освещенного редкими лампами.

– Это и есть подземный переход?

Директриса остановилась и похлопала по стене.

– Отделан известняком, благодаря которому в подземелье круглый год держится одна и та же температура. И ведь как все сохранилось! В старину строить умели. Кстати, переходы были разветвленными, сохранилось несколько дверей, вы их увидите. Куда веди – неиз-

вестно. Теперь – или заложены кирпичом, или заперты. Сразу после реконструкции переходом пользовались только сотрудники. Потом само собой получилось, что здесь начали ходить старики.

– Куда ведет этот ход?

– В спальный корпус. Идемте...

Они зашагали вперед по неширокому коридору, выложенному прямоугольными плитками.

Песня заговорила:

– Конечно, можно пройти и по улице. Но знаете, погода бывает разная. Осенью – дождь, зимой – гололед. Летом – солнце, жара. А здесь всегда хорошо. Для стариков – очень удобно. Некоторые в столовую в тапках приходят. Хотя таких здесь немного. Артисты – особый народ. Глянешь на какую-нибудь: старуха старухой, еле идет, а все одно – туфли на каблуках и носик припудрен, – Татьяна Ивановна улыбнулась. – Будете смеяться, но у нас и танцы бывают. А к Новому году гала-концерт готовим. Слава богу, талантов хоть отбавляй.

– До Нового года больше двух месяцев, – пробормотала Дайнека и опустила глаза. Подземный ход ее угнетал. Казалось, здесь нечем дышать.

– Так ведь и артисты у нас немолодые, – заметила директриса. – Пока раскачаются. Один текст забудет, другой раскапризничается, третий заболит, а еще хуже – умрет.

Упоминание о смерти было не к месту. Дайнека заметно прибавила шагу. Скоро по такому же, как в первом здании, пандусу они поднялись в спальный корпус.

– Здесь все скромнее, – пояснила Татьяна Ивановна. – Здание ремонтировали в последнюю очередь. Да и деньги к тому времени кончились.

– Логичнее было бы отсюда начать, – заметила Дайнека. – Здесь старики проводят большую часть времени.

– Вы не подумайте, они всем обеспечены! У них прекрасные светлые комнаты с санузлами. – Директриса посторонилась и указала на лестницу: – Нам туда.

Дайнека двинулась вверх по ступеням.

– Я тоже буду жить в этом корпусе?

– Вы – нет. Личные помещения персонала располагаются во флигеле, или, по-другому, в пристройке. Она связана с этим корпусом переходом.

– Также подземным? – настороженно поинтересовалась Дайнека.

– Нет, что вы... Этот переход расположен на уровне второго этажа и начинается в общей гостиной. Нужно заметить, гостиная в спальном корпусе – самое популярное место. Там всегда многолюдно: одни смотрят телевизор, другие играют в карты или в лото...

Войдя в большой темный зал, Песня раскинула руки:

– Вот наша гостиная! – Она остановилась посередине и задрала голову: – Главная достопримечательность спального корпуса – потолочный плафон, расписанный неизвестным художником. На нем, кстати, изображен герб рода Измайловых. Утром, когда будет светло, сможете разглядеть...

Дайнека перебила:

– А где находится комната старика?

– Безрукова? – директриса указала рукой: – В том коридоре.

Они прошли в коридор, в конце которого было светло. У распахнутой двери комнаты, где работала криминалистическая группа, стояли двое мужчин. Один из них, худой, коротко стриженный, лет пятидесяти, завидев их, обратился к Татьяне Ивановне:

– Хорошо, что вы здесь. Нужны данные потерпевшего.

– Вы, если не ошибаюсь, следователь?

– А вы, если не ошибаюсь, директор?

– Его личное дело в моем кабинете, – ответила Песня.

– Пожалуйста, принесите.

Прежде чем уйти, директриса тронула Дайнеку за локоть и слегка подтолкнула:

– Людмила Вячеславовна хотела спросить...

– Кто вы? – следователь уставился на Дайнеку.

– Людмила Вячеславовна Дайнека, – сказала она.

– Это я слышал. Кем работаете?

– Никем.

Здесь опять вмешалась Татьяна Ивановна:

– С завтрашнего дня Людмила Вячеславовна оформлена моим заместителем, – взглянув на часы, Песня исправилась: – Точнее, уже с сегодняшнего.

– Что имеете сообщить? – задав этот вопрос и не дожидаясь ответа, следователь обратился к мужчине, который стоял рядом: – Скажи, чтобы с шофером побыстрее заканчивали.

Тот спросил:

– После допроса забираем его с собой?

– Не знаю.

– Вы о шофере по фамилии Квят? Его не за что забирать! – отчетливо проговорила Дайнека.

– Вот как? – следователь развернулся и с интересом взглянул на нее – Это что же, вы так решили?

– Для ареста нет оснований.

– Мы не говорим об аресте. Речь идет о задержании до выяснения обстоятельств.

– Вы можете все выяснить здесь и сейчас.

– Расшифруйте...

– Я была в машине, когда все случилось.

– Вот оно что... – он заглянул в свой блокнот. – Точно, Дайнека Людмила Вячеславовна... А я думал, вас «Скорая» увезла.

– Как видите, я здесь.

– Можете дать объяснения?

– Я готова.

– Как себя чувствуете?

– Хорошо.

Мужчина представился:

– Следователь следственного отдела Галуздин Игорь Петрович.

Дайнека кивнула:

– Очень приятно.

– Где мы можем поговорить? – на этот раз Галуздин обратился к директрисе.

– В комнате у сестры-хозяйки, – ответила Татьяна Ивановна.

– Там допрашивают Квята.

– Тогда идите в гостиную. Только вот что: со вчерашнего вечера там не работает верхнее освещение.

– Мне нужно будет писать.

– Включу для вас настольную лампу.

– Идемте, – следователь взглянул на Дайнеку. – И вы тоже.

Втроем они направились по коридору в гостиную. Татьяна Ивановна, как и обещала, принесла и подключила настольную лампу, но уходить не спешила.

Следователь раскрыл папку и разложил на столе документы.

– Начнем...

– Простите, – перебила его Песня, – можно один вопрос?

– Задавайте.

– Как мог Безруков оказаться ночью в лесу?
– Это вы меня спрашиваете? – следователь с усмешкой прищурился: – Тот же самый вопрос я бы хотел адресовать вам.

– Я не знаю! – испугалась Татьяна Ивановна.

– Я тоже. По крайней мере, пока. Но, должен заметить, вы, как директор пансионата, должны быть в курсе, где находятся ваши подопечные. Не мне вам объяснять, что о пожилых людях нужно заботиться.

– Безруков был вменяемым стариком. Забывчивостью не страдал.

– А если бы страдал?

– Те, что страдают, у нас изолированы.

– Где?

– В третьем корпусе. Там живут дезориентированные и с болезнью Альцгеймера.

– Что за болезнь?

– Я же сказала: неспособность ориентироваться в пространстве и потеря памяти. Что-то помнят, что-то забывают, потом опять вспоминают. Но большинство – в полном беспмятстве.

Следователь придвинул к себе бланк допроса:

– Помнится, вы хотели принести личное дело Безрукова.

– Да, простите, совсем я расклеилась, забыла, за чем пошла...

Вздыхая и качая головой, Татьяна Ивановна Песня направилась к лестнице и спустилась на первый этаж, чтобы пройти через подземный переход в общий корпус.

При мысли, что ей предстоит преодолеть этот путь в одиночку, Дайнека поежилась.

– Вам холодно? – спросил Галуздин.

– Нет, это другое.

– Опасаетесь чего-то? – он оглядел темную гостиную и остановил взгляд на большом панорамном окне, за которым плотной стеной стояли черные ели. – Место жутковатое. И кому пришло в голову поселить здесь стариков?

– Уверена, утром оно таким не покажется.

Следователь взглянул на часы:

– Что ж, скоро увидим. Ждать осталось недолго. – Он взялся за ручку и вписал в протокол ее полное имя. – Сколько вам лет?

– Двадцать три.

– Образование?

– Высшее.

– Москвичка?

– Да. Проживаю на Второй Ямской улице.

– Замужем?

– Нет...

Следователь поднял глаза и внимательно на нее посмотрел:

– Зачем же вы согласились на эту работу?

От удивления она забыла поинтересоваться, какое ему дело, и только сказала:

– Кому-то нужно ее выполнять.

– Кто бы с этим поспорил. – Закончив писать, Галуздин положил ручку. – Что вы там видели?

– Где?

– Вы сказали, что находились в машине с Квятом, когда он сбил Безрукова.

Неожиданно для себя Дайнека воскликнула:

– Я бы так не сказала!

Следователь отмахнулся от нее как от большой назойливой мухи:

- Бросьте! Факт налицо. У пострадавшего многочисленные ушибы, порезы и перелом.
- В том месте лес начинается у кромки дороги. Старик выскочил неожиданно. Квят сразу затормозил. Никто, даже самый опытный гонщик, не смог бы затормозить быстрее.
- Надо же, как вы его защищаете... С чего бы это?
- Я за справедливость.
- Только и всего?
- Чего же вам больше? Не могу допустить, чтобы обвинили невинного человека. А если вы подразумеваете мою личную заинтересованность, то мы с Квятиком почти незнакомы.
- Значит, по-вашему, он невиновен?
- На его месте мог оказаться любой. Старик сам бросился под колеса. У меня вообще было ощущение, что попасть под машину в тот момент для него было меньшим из зол.
- Как вы сказали? – Галуздин озадаченно крикнул. – Меньшим из зол! Что конкретно вы имели в виду?
- Не знаю, – сказала она. – Просто озвучила то, что почувствовала в тот самый момент.
- Почувствовала или поняла? – уточнил следователь.
- Скорее, и то, и другое.
- Очень интересно... Для этого были основания?
- При чем тут основания? – удивилась Дайнека.
- Возможно, вы что-то увидели или услышали?
- Немного поразмыслив, она произнесла:
  - Я была под впечатлением того, что случилось в дороге.
  - И что же?
  - Сломалась машина, и мы долго стояли на проселке в темном лесу. Не самое приятное дело. Чего только не передумала, как будто предвидела, что случится потом.
  - Ощущения меня не интересуют. вспомните, может, вы что-то заметили. Подсказываю: проехавшую машину, идущего человека...
  - Огонек...
  - Что?
  - Когда мы снова поехали, я увидела в лесу огонек.
  - Отчетливо увидели?
- Она покачала головой:
  - Не уверена. Возможно, это было отражение на стекле.
  - Отражение?
  - Например, лампочки с приборной панели.
  - Ну хорошо, – Галуздин снова взялся за ручку и записал в протокол несколько слов. – Увы, все ваши показания базируются на ощущениях и предчувствиях.
  - Не только. Когда старик упал на капот, я заметила, что у него под ногтями земля.
  - Действительно? – следователь записал то, что она сказала. – Нужно проверить. Но как же вы разглядели?
  - Он царапал ногтями по лобовому стеклу перед моим носом. А на его голове была кровь.
  - Это неудивительно.
  - Почему?
  - Объясню: его сбила машина.
  - Головой он не бился. Старика подбросило вверх, после чего он упал на капот.
  - Теперь понимаю, с чего вы вдруг отключились, – заметил Галуздин.
- С лестницы послышались шаги. Скоро к ним подошла Песня.
  - Вот, – она положила на стол картонную папку. – Лично дело Безрукова. Надеюсь, вам не нужна его медицинская карта?

- Это без надобности.
- И все-таки, – снова заговорила она. – Как Безруков мог оказаться ночью в лесу, да еще голый?
- Да еще с землей под ногтями, – добавил следователь. – Старик бы чистоплотным?
- Чего-чего, а этого у него не отнять.
- В двух словах, кто он такой?
- Бывший артист кордебалета, служил в провинциальном театре оперетты. Выходил в массовках, пел в хоре.
- Откуда вам это известно?
- Он сам мне рассказывал. Да и не только мне. Тихон Иванович – человек общительный.
- У него есть родственники?
- Нет, он одинок.
- С кем из проживающих здесь он дружил?
- Со всеми понемногу. Он ведь у нас недавно, всего несколько месяцев. Я, кстати, видела его вчера вечером на ужине. Мне сказали, что потом он сидел здесь, в гостиной, до тех пор, пока не отключился свет.
- Когда это случилось?
- Часов в восемь.
- Из-за чего?
- Директриса пожала плечами:
- Не знаю. Завтра придет электрик, он разберется.
- Следователь протянул Дайнеке лист протокола:
- Прочитайте, напишите внизу: «С моих слов записано верно» и распишитесь. – И, пока Дайнека читала, он снова обратился к Татьяне Ивановне: – Кто вам сказал, что старик вечером находился здесь?
- Артюхова Ирина Маркеловна. Она с ним беседовала.
- Ваша сотрудница?
- Да нет же. Артюхова – актриса столичного драмтеатра, живет здесь с основания пансионата. Кажется, у них с Безруковым были отношения.
- Что?! – удивился следователь.
- А что в этом странного? У нас и такое бывает.
- С ней нужно поговорить...
- Не сейчас, – забеспокоилась Песня. – Здесь контингент пожилой. Их ночью беспокоить нельзя.
- А я и не говорю, что сейчас, – Галуздин сложил лист протокола вдвое и сунул в карман пиджака. – На сегодня достаточно.
- Из коридора вышли трое мужчин. Когда они приблизились, в одном из них Дайнека узнала Квята. Взглянув на нее, он тихо сказал:
- Нужно было раньше уволиться...

Глава 2

Все очень запутано

Дайнеку разбудил телефонный звонок. Еще не проснувшись, она взяла трубку:

– Да...

– Как у тебя дела? – это был голос отца.

– А сколько сейчас времени?

– Восемь... – помолчав, он уточнил: – Десять минут девятого. Прости, что так рано.

– Кажется, я проспала, – Дайнека села в кровати.

– Как добралась? Надеюсь, без приключений?

Дайнека удивилась: откуда он узнал? Кажется, у отца чутье на ее приключения. Только из упрямства она ответила:

– Все чинно и благородно: приехала и сразу в постель.

– Поздно вечером?

– Практически в одиннадцать часов.

– Ты говорила, что из пансионата за тобой отправят машину, – в голосе отца прозвучала тревога.

– Так и было: водитель заехал еще днем, но пришлось выполнить кое-какие поручения и поколесить по Москве.

– Зря ты это затеяла...

– Что?

– Эту свою работу.

– Об этом мы уже говорили...

– Можешь меня послушать? – отец немного повысил голос.

– Могу, – согласилась она.

– У меня плохие предчувствия.

– Ты как старая бабка, – упрекнула его Дайнека. – Здесь, кстати, живут безобидные старики.

– Знаю, но не могу избавиться от непонятной тревоги. – Помолчав, Вячеслав Алексеевич сказал: – Давай я сейчас приеду.

– Зачем?

– Заберу тебя. А работу мы найдем здесь, в Москве. И не за такие смешные деньги.

– Работу я уже нашла. И она мне подходит.

Отец вновь замолчал. Дайнека почувствовала, что перегнула палку, и решила сменить тему:

– Как там Тишотка?

– У него все в порядке. С утра бегаёт во дворе.

Дайнека улыбнулась:

– Привет ему передай.

– Я в твоих приветках нуждаюсь больше, чем он.

– Тебе тоже привет.

– Ну в кого ты такая? – спросил отец.

– В тебя.

Закончив разговор, Дайнека растянулась в постели, закрыла глаза и мысленно перенеслась во вчерашний день.

По счастью, Квята не забрали в полицию. Оставшись в пансионате, он дал подписку, что никуда не уедет, и удалился в свою комнату.

Дайнека хорошо его понимала. Ей, как никому другому, была знакома горечь несправедливых, а главное, незаслуженных обвинений.

Комната Дайнеки располагалась в пристройке спального корпуса. Туда ее проводила директриса. Из гостиной они направились в переход, похожий на застекленную веранду деревенского дома. Пристройка оказалась вполне современной: никаких галерей, барельефов и потолочных плафонов.

– Ну вот, – Татьяна Ивановна отомкнула и распахнула дверь, – ваша комната. – Она указала рукой в конец коридора: – Удобства там. Не слишком комфортно, но, как говорится, все, что имеем.

– Вы тоже здесь живете? – поинтересовалась Дайнека.

Не ожидая такого вопроса, директриса немного смутилась:

– У меня и у главного врача пансионата – небольшие квартиры, или, как теперь говорят, апартаменты. Они в общем корпусе.

– Что ж, – Дайнека поставила дорожную сумку. – Спасибо, что проводили.

– Завтра в девять жду вас у себя. Дорогу запомнили?

– Отсюда через переход – в гостиную спального корпуса. Затем по лестнице вниз, в подземный переход. Далее – Римская галерея общего корпуса, главная лестница и – ваш кабинет.

– Все верно. Если заблудитесь, спросите, вам подскажут.

Татьяна Ивановна ушла, прикрыв за собой дверь. Дайнека обвела взглядом комнату: кровать, тумбочка, шкаф, письменный стол.

– Все, что нужно для жизни, – сказала она, подошла к окну и плотно его зашторила.

На самом деле она была недовольна всем: и комнатой, и тем, что ее окружало. Но еще более – тем, что случилось. Одна только мысль – вернуть свою привычную московскую жизнь – грела ей душу.

Теперь, утром, еще раз оглядев скромную комнату, Дайнека утвердилась в мысли, что не задержится здесь надолго.

Она встала с постели, надела халат, взяла полотенце, зубную щетку и вышла в коридор, решив посетить «удобства». Через пятнадцать минут вернулась обратно и увидела у двери Галуздина.

– А я тут вас поджидаю, – миролюбиво сказал следователь.

Прикинув, с чем связана такая перемена, Дайнека спросила:

– Что-то изменилось или с утра у вас улучшилось настроение?

– И то, и другое, – он улыбнулся и, как только она прошла в свою комнату, шагнул следом. – Позволите?

– Проходите.

– У меня осталась пара вопросов.

– Что же вы не задали их вчера?

Следователь прошел к столу, выдвинул стул и уселся посреди комнаты.

– По одной простой причине: вчера они еще не созрели.

– Ага... – Дайнека бросила на кровать полотенце и тоже села. – Я оказалась права: есть что-то новенькое.

Галуздин широко улыбнулся:

– Вы произнесли эти слова так, как будто участвуете в расследовании.

Она пожала плечами.

– Будет нужна помощь, я в вашем распоряжении.

– Непременно к вам обращусь, – он расстегнул куртку и достал свой блокнот. – Ночью мы прочесали лес...

– Неужели не спали?

– Не до этого было.

Дайнека мгновенно осознала неуместность своей иронии:

– Я готова ответить на все ваши вопросы, Игорь Петрович.

– Надо же, – усмехнулся он, – запомнили...

– На имена у меня хорошая память.

– Вчера вы сказали, что, когда старик упал на капот, его голова была в крови.

– Именно так.

– Но ведь головой он не бился.

– Старика ударило бампером по ногам и забросило на машину.

– Тогда получается, что из лесу он выбежал с ранением головы. Я позвонил в больницу.

Врач сказал, что на голове старика рана, а по всему телу – порезы.

– Порезы? – Дайнека вскинула голову и уставилась на Галуздина. – Лобовое стекло не разбилось. Я помню: старик скреб по нему ногтями. Под ногтями была земля, а пальцы все сбиты.

– Так и есть. Со слов врача, на пальцах, и не только на них, повреждения.

– Похоже, Безрукова изранили в лесу.

– Вы были правы, сказав, что попасть под машину для старика было меньшим из зол.

– Звучит очень страшно.

– Но это ваши слова.

– Вчера я этого не понимала.

– Из одежды Безрукова в комнате осталось только пальто, в котором он обычно гулял.

Как он мог пройти полтора километра по непролазному ельнику при температуре минус два без пальто? И куда делась его одежда?

– Во что он был одет? – спросила Дайнека.

– Тренировочные брюки черного цвета, тонкий коричневый свитер с синим рисунком, бледно-голубая рубашка, темные полуботинки.

– Ничего этого на нем не было.

– Об этом мы уже говорили.

– Вы сказали, что лес прочесали?

– Ну как прочесали... Пробежались в темноте по первому разу. Сегодня предстоит основная работа.

– Что-нибудь нашли?

Галуздин отвел глаза, словно раздумывая, стоит ли отвечать на этот вопрос.

– Ну так что? – повторила Дайнека.

– Метрах в двухстах от того места, где вы его сшибли, вырыта яма...

– Яма? – Дайнека пожала плечами. – И как это может быть связано?

– Может, и не связано. Вы спросили, я вам ответил.

– И больше ничего?

– Пока нет. Теперь будем искать одежду.

– Может быть, старик не в себе? – спросила она.

– Будем разбираться.

– Он сам что-нибудь рассказал?

– Нет. Врачи ввели его в медикаментозную кому.

Дайнека посмотрела на часы и вскочила с кровати:

– Уже без четверти девять! Мне на работу.

Попрощавшись, следователь Галуздин ушел. Она собралась, натянула на себя одежду, в которой была вчера. На утюжку вещей, упакованных в сумку, времени не было. Выскочив в коридор, Дайнека заперла дверь, но тут же вновь отперла, вернулась в комнату и прихватила пальто. Ей не захотелось спуститься в подземный переход, она решила пройтись поверху.

На улице со вчерашнего дня значительно потеплело. Выйдя на крыльцо, Дайнека почувствовала запах дождя, грибов и прелой листвы. В синем небе над желто-зеленым лесом кружили гомонливые птицы. На скамейке у подъезда грелись на солнышке четыре старухи.

Дайнека спустилась с крыльца.

– Здравствуйте.

Старухи закивали головами.

– Здравствуйте, Людмила Вячеславовна, – сказала одна, веснушчатая, укутанная в пуховый платок.

– Откуда вы меня знаете?

– Татьяна Ивановна сказала, что вы будете работать в библиотеке.

Она остановилась:

– Как в библиотеке?

В разговор вступила другая старуха в вязаной шапке-чалме:

– Библиотека не работает уже больше месяца. Когда можно прийти поменять книжку?

– Сначала я должна кое-что уточнить, – заторопилась Дайнека. – Как пройти в общий корпус?

Четыре руки указали ей нужное направление. Дайнека зашагала туда.

Ей вслед донеслось:

– И как же мы рады, что пришла такая молоденькая. Как же мы рады!

* * *

Татьяна Ивановна Песня была в своем кабинете. Увидев Дайнеку, она встала из-за стола и доброжелательно шагнула навстречу:

– Проспали? Понимаю. После такой встряски – вполне объяснимо.

– Почему в библиотеке? – спросила Дайнека.

– Что?

– Вы сказали, что я буду работать в библиотеке.

– Я не говорила...

– Ну как же? Бабушки у спального корпуса мне все рассказали.

Татьяна Ивановна всплеснула руками:

– Вот оторвы! Кто вам это сказал?!

– Их было несколько...

– Опишите, кто именно!

– Худенькая такая старушка, в пуховом платке...

– Ерохина! Сердцем чуяла, не нужно было ее принимать. Так нет же, муж – ветеран сцены... Его схоронили, а у меня осталась эта дурында. И главное, ведь никакого отношения к театру никогда не имела, кастеляншей в больнице работала...

– Я ошиблась.

– Что? – Песня настороженно смолкла.

– Это сказала другая старуха...

– Кто? – требовательно подступила директриса.

Дайнека опустила глаза:

– Я не запомнила.

Выдержав короткую паузу, Татьяна Ивановна сделала заявление:

– Вы ее покрываете!

– Что значит, покрываю? – возмутилась Дайнека. – Она что, человека убила?

– Слава богу, до этого пока не дошло, – сообразив, что переборщила, Татьяна Ивановна вернулась на свое место и примирительно улыбнулась. – Мы должны помогать друг другу в работе.

– Давайте вернемся к тому, с чего начали, – Дайнека уселась в кресло поближе к директорскому столу. – При чем здесь библиотека?

– Ну, хорошо... Скажу честно: вам придется заменить библиотекаря. На время!

– Мы договаривались, что я буду работать вашим заместителем.

– Договаривались, – подтвердила Татьяна Ивановна. – Но в данный момент библиотекарь нужнее. Помимо обычного библиотечного фонда у нас хранятся ценные документы. Во время ремонта в подвале нашли старинный архив. Надо бы его разобрать.

– При чем здесь я?! – вскричала Дайнека.

– Давайте так, – продолжила Песня. – Оформим вас заместителем директора, а вы, временно, – она подняла палец и со значением повторила: – Временно! Поработаете в нашей библиотеке.

– Ну уж нет! – Дайнека с ужасом представила, как отреагирует на это ее отец. – Нет!

– А мы очень на вас надеялись, – Татьяна Ивановна с сожалением покачала головой. – Подойдите к дверям библиотеки, посмотрите, там уже сидят старики. Вас, между прочим, ждут...

– Вы сами их обманули. Я ничего не обещала.

Песня опустила глаза:

– Ну что ж, если вам не жаль стариков...

– Жаль.

– Вы же отказались работать!

– Я отказалась работать библиотекарем.

– Это одно и то же, – Песня безнадежно махнула рукой и грустно посмотрела в окно. –

Вот и осень...

– Два месяца, как наступила, – заметила Дайнека и неожиданно для себя почувствовала угрызения совести.

– Что? – не поняла директриса.

– Я говорю – конец октября.

– Какая теперь разница, – Татьяна Ивановна вздохнула. – По штатному расписанию осталась одна единица, а надо бы две.

– Это ваши проблемы, – Дайнека поднялась. – Я уезжаю в Москву.

– Значит, у нас работать не будете?

– Нет.

– Что ж... Нет так нет. Всего вам хорошего.

– Прощайте! – Дайнека шагнула в коридор и направилась к выходу.

В коридоре, у красивой двустворчатой двери с табличкой «Библиотека», она заметила несколько человек. У каждого в руках была книга. Они расступились, освобождая дорогу. Дайнека остановилась, помолчала и спустя мгновение спросила:

– Что?

– Ждем.

– Кого?

– Вас.

Дайнека обвела взглядом стариков, которые глядели на нее с надеждой и умилением, потом вдруг повернулась и быстрым шагом вернулась в кабинет директрисы. Та поинтересовалась:

– Чего вам еще?

– Ключ от библиотеки давайте.

– Зачем? – удивилась Татьяна Ивановна, но уже через мгновение ее лицо прояснилось: – Стало быть, остаетесь?

– Остаюсь, но только на время. К тому же у меня есть условие: оформите меня, как обещали, вашим заместителем. – Дайнека покраснела и совсем по-детски добавила: – Иначе папа меня не поймет.

– Конечно-конечно, – директриса засуетилась. – Оформим самым наилучшим образом. – Она протянула ключи: – Вот, возьмите.

– Предупреждаю: я не умею заполнять библиотечные формуляры.

– Научитесь, – Татьяна Ивановна благодушно махнула рукой. – Если что, старики вам подскажут.

– Ну, так и посадите в библиотеку старушку.

Директриса парировала:

– Права не имею. Они все на заслуженном отдыхе.

– А я теперь отдувайся. – Дайнека взяла ключи и вышла из кабинета. Прямоком направилась к библиотеке, отомкнула замок, распахнула дверь и обернулась:

– Пожалуйста, проходите!

Глава 3 Артистка

Библиотека располагалась в большой светлой комнате. От жилой ее отличали неоновые светильники, вмонтированные в рифленый потолок, и множество стеллажей, расставленных в два ряда. Стол библиотекаря находился сразу за дверью, условно преграждая доступ к книжному фонду.

Первое, что сделала Дайнека, – это передвинула стол к стене. Ей помогли два чистеньких старичка.

Читатели сдали книги и отправились к стеллажам. Дайнека тем временем соображала, что нужно делать. Работа оказалась несложной, но скучной: отмечай книги в карточке, вычеркивай в формуляре и складывай в стопку.

Так же быстро она выдавала новые книги и вежливо отвечала на вопросы, не вдаваясь ни в какие подробности. Все хотели с ней побеседовать, поэтому процесс выдачи книг мог затянуться до вечера. Выбрав верную тактику, она отпустила всех уже до одиннадцати.

В начале двенадцатого, когда в библиотеке не осталось никого, кроме Дайнеки, туда вошла невысокая щуплая старуха с конопатым лицом. Заметив на ее плечах пуховый платок, Дайнека приветливо улыбнулась:

– А я вас узнала. Мы виделись сегодня утром у спального корпуса.

Старуха деловито кивнула:

– Решила зайти попозже. С утра было не протолкнуться?

– Человек десять-пятнадцать...

– Так и знала. Вот, – она положила на стол пеструю книжку.

– Любите детективы? – спросила Дайнека.

– От нечего делать. Знаете, так, чтобы прочитал – и забыл.

– Разве так интересно? Может, подобрать что-то другое? Давайте я посоветую...

– Вот еще... Голову забивать. Она у меня и без книжек болит.

Дайнека опустила глаза:

– Как вас зовут?

– Ерохина Надежда Петровна...

Отыскав учетную карточку, Дайнека спросила:

– Вы тоже актриса?

– Нет.

– А как же попали в Дом ветеранов сцены?

– С мужем-покойником. Он тридцать пять лет проработал в театре. Как только на пенсию вышел, продали квартиру и сразу – сюда.

– Так просто?

– Не просто, – сурово возразила Ерохина. – Долго хлопотали, добивались. Сколько порогов обили! Когда муж-покойник привез меня сюда, он так и сказал: «Ну, все, Надежда Петровна, я перед тобою супружеский долг выполнил, пристроил в хорошее место. Теперь могу умереть со спокойной душой». Сказал так, да вскорости и помер, упокой его душу грешную, оставил меня одну.

– Ну, здесь-то вы не одна... – сочувственно сказала Дайнека. – Вокруг много интересных людей.

На что Ерохина окинула ее осуждающим взглядом:

– Вы никого здесь не знаете.

– А разве это что-то меняет? – усомнилась Дайнека. – Хорошие люди есть повсюду.

– Поживите здесь... Не то запоете, – пообещала Ерохина.

На что Дайнека сухо заметила:

– Не буду вас отвлекать, пожалуйста, выбирайте себе книгу.

Ерохина прошла к стеллажу с надписью «Российские детективы», целенаправленно взяла с полки небольшую пеструю книжцу и тут же вернулась к столу.

– Уже? – Дайнека раскрыла книжку и вынула из кармашка формуляр. Сделала запись, но, заглянув в карточку, с удивлением подняла глаза: – Вы уже читали ее, Надежда Петровна, – она показала учетную запись. – Пять месяцев назад. Пойдите... И вот еще – в прошлом году.

– Ну и что? – Ерохина зябко поежилась, стянула с плеч пуховую шаль и завязала ее на пояснице. – Дует у вас.

Дайнека подхватила со стула, подбежала к окну и прикрыла деревянную форточку.

– Открыла, пока никого не было, чтобы проветрить.

– Доживете до наших лет, поймете, что такое сквозняк для старого человека.

– Вы не старая. Вам не дашь больше семидесяти.

– И не надо. Мне всего шестьдесят пять.

– Простите... – Дайнека покраснела. – С возрастом я всегда ошибаюсь.

В дверях библиотеки возникла красивая пожилая дама.

– Добрый день, могу я войти?

– Здравствуйте! Пожалуйста, проходите. – Дама понравилась Дайнеке с первого взгляда. Хотя бы тем, что избавила ее от объяснений с Ерохиной.

– Вот, принесла книгу...

– Ваша фамилия?

– Артюхова.

Взявшись за картотеку, Дайнека вдруг отставила ее и подняла глаза:

– Та самая Артюхова? Это вы играли в театре Вахтангова?

– Почему же играла? – с полуулыбкой ответила Артюхова. – Я и теперь занята в трех постановках.

– За Ириной Маркеловной из театра присылают машину, а после представления привозят обратно, – угодливо подхватила Ерохина.

– Господи! Я же тысячу раз видела фильмы с вашим участием! Даже не надеялась вот так познакомиться. – Дайнека забрала у Артюховой ее книгу. – А вот в театре сто лет не была. И это ужасно.

– На днях презентую вам контрамарку, – великодушно пообещала актриса. – Как вас зовут?

– Людмила Вячеславовна.

– Буду называть вас Людмилкой. Для отчества вы слишком молоды. Конечно, если позволите.

– Я не против. Так меня называет отец.

– А друзья?

– По фамилии. Просто Дайнека.

Рассмеявшись, Артюхова заметила:

– Это необычно.

– Я привыкла.

– Мы остановились на том, что я подарю вам контрамарку на ближайший спектакль, – напомнила Артюхова и заключила: – А теперь запишите на меня томик Пушкина. Тот, что лежит на столе слева от вас.

Дайнека взяла сборник, отметила его в карточке и отдала Артюховой. Простившись, та сразу ушла.

Проводив ее взглядом и дождавшись, когда закроется дверь, Ерохина едко заметила:
– Старухе семьдесят семь. О душе думать пора. Артистка...

Дайнека не смогла не заступиться за Артюхову:

– Пока есть силы, актриса должна играть. Все лучше, чем перемывать кости подругам и смотреть в телевизор.

– А вы не попрекайте меня телевизором. Не имеете права. Я свой покой заработала. Слава богу, на заслуженном отдыхе. Мне лишнего не надо. Не то что другим.

– Я не вас имела в виду, – Дайнека протянула Ерохиной книжку. – Ваш детектив.

– Вот уж где детектив... – проворчала старуха и кивнула на дверь. – Ни один сыщик не разберется.

Дайнека насторожилась и, чуть помедлив, спросила:

– Вы про Безрукова?

Ерохина поджала губы:

– Эта Артюхова – ходячая смерть.

– Да что вы такое говорите?!

– Четырех мужей схоронила, и, между прочим, все были убиты.

– Откуда вам это известно?

– Все знают... – Притворно потупившись, Ерохина добавила: – Уж я не говорю про любовников...

Не справившись с любопытством, Дайнека поинтересовалась:

– Их тоже убили?

Старуха напустила на себя загадочный вид и молча кивнула. Дайнека сдвинула стул.

– Простите, мне нужно сделать звонок. Не подскажете внутренний телефон Татьяны Ивановны?

– Один двадцать один... – сказала Ерохина, после чего подозрительно быстро исчезла за дверью.

Глава 4

Случайный флирт

Шаги Ерохиной стихли. Дайнека записала на листе цифры: один, два, один. Взяла стопку книг, но, сделав пару шагов, направилась не к стеллажам, а к двери. Дернула свободной рукой за ручку. За дверью, пригнувшись, стояла все та же Ерохина.

– Подслушиваете?! – поразилась Дайнека.

Старуха зыркнула колючими глазками и, не разгибаясь, бросилась по коридору в сторону лестницы. Топот ее коротеньких ног заставил Дайнеку передернуть плечами – однажды она слышала, как в темной комнате бегала крыса.

Расставив книги, Дайнека привела в порядок картотеку и полила из лейки цветы. В половине двенадцатого решила позвонить директрисе. Пришла пора выяснить, где ей обедать. Подняв трубку аппарата внутренней связи, набрала номер: один, два, один. После третьего гудка на другом конце провода раздался щелчок. Не дожидаясь ответа, она сказала:

– Это Дайнека. Совсем забыла спросить: где я могу пообедать?

Вопреки ожиданиям ей ответил сочный мужской баритон:

– Теоретически могу отвести вас в ресторан.

– Кто это? – испуганно спросила она.

– Водорезов.

– Фамилия мне ни о чем не говорит.

Он рассмеялся и вдруг сообщил:

– Прежде чем продолжить общение, мне нужно задать вам вопрос. Вас когда-нибудь увольняли с работы?

– Нет... – Дайнека притихла.

– Тогда поинтересуюсь: верите ли вы в судьбу?

На мгновение она поддалась панике:

– Кто это говорит?

– Вы напомнили мне трехлетнюю внучку. Когда звонит телефон, она первой хватается трубку и задает тот же вопрос.

Дайнеке представился плешивый старик, овладевавший азами пансионатского флирта.

– Вы флиртуете со мной?

– Я бы сказал, тренируюсь. Оттачиваю свое мастерство. В будущем пригодится.

«О каком будущем он говорит?» – мысленно удивилась Дайнека, но вслух сказала:

– Судя по всему, вы немолоды. У вас уже есть внучка...

– Насчет внучки – соврал. На самом деле речь шла о племяннице. Дело в том, что недавно я прочитал статью. Из разряда: как стать богатым, как наладить отношения с коллегами или как познать самого себя. Статья так и называлась: «Как флиртовать с женщинами».

– И как? – Дайнека, не сдержавшись, улыбнулась.

– Во-первых, нужно постоянно менять темы. Во-вторых, задавать вопросы. Не важно какие, просто задавать.

– Вы так и сделали...

– В-третьих, постоянно говорить комплименты.

– Этого не было, – заметила она.

Но Водорезов сделал ей замечание:

– Вы не дослушали. Я, кстати, и вас могу научить, как правильно делать комплименты. Сначала вы рассказываете о чем-то, потом вдруг – хлоп! – прерываетесь и говорите своему

кавалеру, что у него на редкость чистые уши. И дальше как ни в чем не бывало продолжаете общение на прежнюю тему.

– Вы сказали, что статья называется «Как флиртовать с женщинами», – рассмеялась Дайнека. – Мне-то это зачем?

– Я преследовал цель.

– Какую?

– Хотел вас рассмешить, и вы рассмеялись. Есть такая примета: если женщина смеется над вашими шутками, она завоевана.

– Послушайте, Водорезов, – Дайнека заговорила чуть строже. – Не знаю, кто вы такой, но должна вам сказать...

Он перебил:

– Между прочим, вы могли бы мне подмигнуть или кокетливо улыбнуться.

– По телефону?

– Да, действительно... – Водорезов и тут нашелся, что ей ответить: – Тогда нам срочно нужно увидеться!

В библиотеку заглянула Татьяна Ивановна Песня:

– Людмила Вячеславовна, вы еще здесь?

Дайнека испугалась, как будто ее застучали за чем-то не очень приличным, и вклепила телефонную трубку в гнездо аппарата.

– Что?

– Я спрашиваю: вы не обедали?

– А я и не знаю, где здесь обедают.

– Идемте, я провожу...

Дайнека закрыла библиотеку и зашагала вместе с директрисой по коридору.

– Столовая находится на первом этаже нашего корпуса, – Татьяна Ивановна говорила, одновременно спускаясь по мраморной лестнице. – Но если вы не желаете есть вместе со стариками, еду принесут в вашу комнату.

– Нет, что вы! – возразила Дайнека. – Я лучше со всеми в столовой.

– Предупреждаю, я обедаю у себя.

– Это ничего не меняет.

Не доходя до Римской галереи, Татьяна Ивановна шагнула в полукруглую арку:

– Здесь нужно свернуть налево, потому что если вы свернете направо, то попадете напрямиком в актовый зал, – она повела рукой. – Я уже говорила, что дворцовый комплекс до революции принадлежал графу Измайлову. Все три здания построил его дед в первой половине девятнадцатого века. К тому моменту, когда хозяином стал последний из графов, Александр, семья Измайловых скопила невероятные богатства. И все благодаря родовому проклятию...

Дайнека удивилась:

– Что за проклятие?

– Очень старое. Я бы сказала, древнее. Дело в том, что предок Измайловых по имени Измаил-Мурза был ханом Ногайской Орды... – Татьяна Ивановна Песня рассказывала сновисто, не задумываясь и не подбирая слова, как экскурсовод, который повторяет одно и то же по нескольку раз в день. – Не желая ссориться с Московским царем, он крестился в православную веру под именем Федор и придумал себе фамилию по своему же мусульманскому имени – Измайлов.

– Но при чем здесь родовое проклятие? – спросила Дайнека.

– А вы сначала дослушайте, – степенно ответила Песня и продолжила: – Ногайские соплеменники Измаила-Мурзы не простили ему отступничества от кровной веры и упростили самую сильную степную колдунью наложить на весь род отступника вековое прокля-

тие. В ту же ночь самому Измаилу-Мурзе привиделся сон, как будто прискакал к его дому всадник в черных одеждах и сказал громовым голосом: «Отныне за измену вере предков не будет в твоём роду в каждом его колене более одного наследника мужского пола. А если их будет больше, то никто, кроме одного, не проживет долее двадцати шести лет».

– Сбылось? – спросила Дайнека.

– Сбылось, да еще как! Никто из рода Измайловых не имел больше одного сына, все остальные умирали по самым разным причинам – начиная от болезней и кончая дуэлями.

– Но как это привело к накоплению несметных богатств?

– Очень просто: в каждом колене оставался только один наследник. Все семейное состояние безраздельно переходило в его руки. А поскольку Измайловы были людьми рачительными, их богатство сделалось одним из самых больших в Российской империи.

– А почему... – Дайнека хотела задать еще один вопрос.

Но Татьяна Ивановна ее перебила:

– Вот мы и пришли!

Они стояли на пороге огромной залы, оборудованной под столовую.

– Проходите, занимайте свободное место, нянечка вас обслужит.

Директриса хотела уйти, но Дайнека задержала ее, задав новый вопрос:

– Кто такой Водорезов?

– Это наш главный врач, – ответила Песня и удивленно подняла брови: – Вы уже познакомились?

– Да, – Дайнека смущенно потупилась. – То есть нет.

– Так да или нет? – с нажимом переспросила Татьяна Ивановна.

– Я звонила вам, а попала к нему.

– И он, конечно же, вас разыграл, – директриса, улыбаясь, кивнула. – Платон Борисович – человек молодой и очень смешливый, несмотря на то, что весь день среди стариков. Но как врач незаменим. Он специалист по геронтологии, на нашем материале пишет диссертацию.

– Здорово, – чуть слышно проговорила Дайнека.

– Проходите, садитесь за столик. Я обедаю у себя. И, кстати, мой номер телефона – один, два, ноль, – сказав это, директриса удалилась.

Глава 5

Люди-павлины

Первый пансионатский обед Дайнеке запомнился. Она пошла между столиками к высоким арочным окнам, где еще оставались свободные места. По мере того как она продвигалась, обитатели пансионата активно приветствовали ее. Старики, свидетельствуя почтение, любезно вставали. Сопровождаемая добрыми взглядами, она расположилась за столиком, где уже сидел пожилой мужчина в очках.

– Меня зовут Людмила.

– Бирюков, – отозвался тот, не отрывая глаз от кроссворда.

– Очень приятно...

– Что в этом приятного?

– Простите? – растерялась Дайнека.

– Что в этом приятного? Я плохой человек, живу в жалком приюте, вдали от цивилизации. Ну так скажите же мне, что в этом хорошего?

Помолчав, Дайнека сказала:

– Я не знаю, что вам ответить.

Взглянув на нее поверх очков, мужчина заметил:

– По крайней мере, не спорите и не убеждаете меня в преимуществах старости.

– Если честно... – она пожала плечами и обвела взглядом весь обеденный зал. – Здесь очень прилично. Как вас по имени-отчеству?

– Виталий Самойлович.

Дайнеке не удалось выбрать подходящую словесную форму для продолжения разговора, и она замолчала. Помог сам Бирюков:

– Надолго к нам?

– Пока поработаю.

– Вы же москвичка... – он опустил глаза и вписал в кроссворд несколько букв.

– Ну и что?

– Могли бы найти место получше.

– А чем здесь плохо? – Дайнека прищурилась. – И откуда вы знаете, что я из Москвы? Вам сказала Татьяна Ивановна?

– В этом я не нуждаюсь.

– Тогда откуда?

– Нетрудно догадаться.

– Любите говорить загадками?

– Пойдите, – Бирюков поднял вверх карандаш. – Изворотливость в аргументах при доказательстве сомнительных или ложных идей. Слово из десяти букв.

Дайнека мгновенно выпалила:

– Казуистика!

– Неплохо... – он стал старательно вписывать слово, последовательно заполняя клетку за клеткой.

– Можно подумать, сами не знаете, – усмехнулась она.

– Знаю... – на этот раз Бирюков взглянул на нее с интересом. – Вам уже рассказали про страшные тайны дворцовых подземелий? О прикованных цепями скелетах, заживо погребенных?

– Нет... – на лице Дайнеки отразился испуг.

– Значит, еще расскажут. Пансионатские старухи любят нагнать страху.

– А это правда?

– Все вранье. Не верьте никому, – сказал Бирюков. – А еще здесь все рассуждают об искусстве. Не исключая, вам будет интересно послушать. Но скоро вы поймете, что все персонажи повторяют одни и те же слова. Да и откуда взяться другим? Ничего нового в их старых больных головах не возникает. Все сводится к одному: театр стал не тот. Они вспоминают прошлое, хвалят друг друга, а за глаза сплетничают. И, нужно заметить, высмеивают самым низменным образом. Слуги Мельпомены ловят кураж.

Дайнека потупилась:

– Зачем вы все это мне рассказываете?

– Чтобы вы, милая барышня, знали, куда попали.

– Простите, но я сама разберусь.

– Нисколько не сомневаюсь... – Бирюков снова уткнулся в кроссворд.

Дайнека машинально взяла солонку и перевернула, словно проверяя, есть ли в ней соль. На скатерти образовалась небольшая белая горка.

– Плохая примета... – заметил Виталий Самойлович, отбросил кроссворд и произнес несколько громче: – Ну, что там? Скоро?

Из кухни вышла санитарка с подносом и направилась к ним. По мере того как на столе появлялись тарелки с едой, настроение Бирюкова менялось к лучшему.

– Грибной суп! Должен сказать, вкусная еда – самый лучший утешитель в старости.

– Не только... – осмелилась возразить Дайнека, протирая салфеткой влажную ложку. – Еще есть вера в Бога. Искусство, в конце концов...

Бирюков придвинул к себе тарелку с грибным супом. Он ел не торопясь и с удовольствием. Снова заговорил, только когда принесли чай.

– Насчет религии спорить не буду. Хотя сам атеист. – Он обвел взглядом стариков, обдавших за соседними столами, среди которых были и весьма яркие персонажи. – Артисты... Странные люди. Да и люди ли они, как сказал Антон Павлович Чехов. А уж он-то знал их лучше других. – Помолчав, Бирюков усмехнулся. – В детстве я жил в небольшом городке. У нас не было музея, цирка или чего-то еще, но был театр оперетты. Труппа в нем была маленькой: несколько солистов, хор – человек шесть – и балет, из которого мне запомнился балерун Сапожков, да и то потому, что вел в нашем классе урок ритмики. Была раньше такая дисциплина в начальной школе. Он приходил на урок расфранченный, в наглаженных брюках, с набриолиненными черными волосами и был похож на цыгана. У него были лаковые туфли на высоких каблуках. Возможно, ему не хватало роста. Хотя, по мне, так он был высоким. Но я был ребенком... В нашем пролетарском городке мужчины каблуков не носили. Увидав его в первый раз, все дети стали смеяться. Сапожков поднял штанину, задрал ногу и, взглянув на каблук, спросил: он оторвался? – Бирюков размешал сахар и отхлебнул из стакана. – Опереточных артистов всегда можно было заметить. Женщины носили яркие шляпки, модные шарфы и сильно красились. Что касается мужчин, они часто надевали на себя женские предметы одежды. По крайней мере, так мне казалось. Например, шейный платок, вязаную кофту или длинное, до пола, пальто. Они были нищими, но им хотелось выглядеть преуспевающими людьми из высшего общества. А как они говорили! Хорошо поставленными громкими голосами. Все равно где: на рынке, в бане, на автобусной остановке. Иногда мне казалось, что им неуютно в нашем затрапезном сереньком городе. Это были особые люди-павлины.

– Кажется, вы не артист? – предположила Дайнека.

Бирюков очертил рукой небольшую дугу:

– Многие из присутствующих здесь – не артисты. Среди них, между прочим, немало хороших людей. Рабочие сцены, сценографы, костюмеры...

– Вы так сказали, словно артисты хорошими людьми не бывают, – недоверчиво проговорила она.

- Точнее не скажешь.
- Это нехорошо...
- Что?
- Нехорошо так думать о людях.
- Мы говорим об артистах, – Виталий Самойлович снял очки и протер их салфеткой. – Впрочем, спорить не будем. Лучше расскажите мне, как все случилось.
- Я не понимаю...
- Не вы ли ехали в той машине?
- Вы про Безрукова? – догадалась Дайнека. – Я мало что помню.
- Странная история, – заметил Бирюков и снова надел очки. – В тот вечер вообще все было странным. Я так и знал: что-то должно случиться.
- В самом деле?
- Часов в восемь в гостиной погас свет. Я еще подумал: это специально, чтобы мы пораньше разошлись по своим комнатам.
- Вы были в гостиной?
- Да. Я не ухожу в свою комнату раньше одиннадцати.
- Бессонница?
- Проблемы со сном. Здесь невозможно спать. Да что там спать... Жить невозможно.
- Почему?
- Я слышу гул.
- Дайнека с подозрением взглянула на него.
- Гул? Может быть, шум в ушах? Такое бывает.
- Я в своем уме. Не считайте меня идиотом.
- Не считаю.
- Вы знаете, кому принадлежал этот дворец?
- Графу Измайлову.
- Слышали о нем что-нибудь?
- Татьяна Ивановна рассказала мне историю рода Измайловых.
- Граф Александр Петрович, последний владелец дворца, был человеком порочным. Его жена – прелестной набожной женщиной, происходившей из царственного семейства Романовых. Их супружеский союз называли союзом порока и добродетели.
- К чему это вы?
- К тому, что порока было больше, чем добродетели. Здесь пахнет смертью.
- Какое отношение эта история имеет к вашей бессоннице? – спросила Дайнека.
- Бирюков взглянул на нее так, как будто она заслоняла собой то, что он хотел разглядеть.
- Я просто боюсь. Во сне живые очень интересны для мертвых. Здесь многие умирают во сне.
- Дайнека встала из-за стола:
- Простите, мне нужно работать.

Глава 6

Следы преступления

Галуздина Дайнека встретила вечером, когда вышла из библиотеки. Он шагал по коридору в сопровождении полицейского.

– Игорь Петрович!

Галуздин обернулся:

– Вы что-то хотели?

– Только спросить.

Взглянув на полицейского, следователь сказал:

– Давай сделаем так: ты – к директрисе, а я – в спальный корпус. – Галуздин перевел взгляд на Дайнеку: – Вы туда идете?

– Туда.

– Дорогу знаете?

– Знаю.

– Проводите?

– Провожу.

Полицейский отправился в кабинет Татьяны Ивановны, а Дайнека и следователь спустились по лестнице на первый этаж. Она надела пальто, которое до этого держала в руках.

Галуздин спросил:

– Зачем вам пальто?

– Все-таки осень.

– А разве здесь нет подземного перехода?

– Есть, – Дайнека начала снимать пальто, но потом передумала. – Хотите пройти под землей?

– По улице я уже ходил.

– Идемте... – и они свернули в темную галерею.

– Мне показалось? – поинтересовался Галуздин.

– Что именно?

– Вам не хочется идти переходом.

– Не хочется. Но вы попросили.

– Красиво здесь, – сказал следователь.

– Эта галерея называется Римской.

– Смотрите, вы освоились. Почему Римской?

– Видите, на стенах лепнина? Это сцены древнеримских сражений.

– Зачем старикам сцены древнеримских сражений?

Дайнека заметила:

– Искусство – самый лучший утешитель в старости.

– А еще религия, – добавил Галуздин и поинтересовался: – На территории пансионата есть церковь?

– Этого я не знаю.

Следователь вдруг остановился и уставился в темный угол:

– Что за лестница?

– Старинная, винтовая. Ведет в подвал из парадной опочивальни графа Измайлова.

– Там начинается переход? – задав этот вопрос, он двинулся к лестнице.

– Не туда! – Дайнека схватила его за руку.

– Почему?

– Ею давно не пользуются.

– Вот и проверим, – Галуздин сдвинул заграждение, шагнул на лестницу и обернулся: – Идите же сюда. Смелее...

Дайнека ступила на межэтажную площадку и стала вслед за ним спускаться по чугунным ступеням. Преодолев пару витков, Галуздин остановился.

– Смотрите, – он посветил фонариком под ноги. – А вы говорите – не пользуются.

Дайнека опустила голову и увидела на пыльных ступенях чьи-то следы.

– Так сказала Татьяна Ивановна.

Продолжив спуск, следователь проговорил:

– Сдается мне, директриса не в курсе событий.

Они миновали лестницу и прошли в коридор, выложенный прямоугольными известняковыми плитами. Здесь было светлее.

– Это и есть переход? – спросил Галуздин и направился в него первым. – Кажется, вы хотели о чем-то спросить?

Дайнека напомнила:

– Вы собирались осмотреть лес и то место.

– Ну и что?

– Осмотрели?

– Думаете, я что-то вам расскажу?

– Не думаю...

– И правильно делаете.

Чуть помолчав, Дайнека заметила:

– Зря...

– Почему?

– Потому что я могла бы помочь.

– Вы? – Галуздин отстранился и, не сдержавшись, пару раз хохотнул. – Я сразу понял, вы юморная.

Дайнека улыбнулась:

– Этого у меня не отнять.

– Не успокоюсь, пока не узнаю, как именно вы собрались помочь.

– Тогда представьте... Я здесь живу. Работаю. Обедаю вместе со всеми.

– Готов поспорить, что будете завтракать и ужинать.

– Поесть я люблю.

– Простите, что перебил. Продолжайте.

– Я неглупый и внимательный человек.

– Хотите стать моим соглядатаем?

– Мне не нравится это слово.

– Заменим его на «помощник».

– Уверена, что смогу вам помочь.

Галуздин остановился и повернулся к Дайнеке. Будучи высоким мужчиной, он почти касался головой фонаря.

– А что?.. Не вижу оснований для отказа.

– Значит, по рукам? – Дайнека вытолкала его из-под светильника. – Вот так, а не то макушку подпалите.

– По рукам. – Следователь снова пошел вперед.

– Ну, тогда – давайте... – она зашагала рядом.

– Что?

– Рассказывайте, как там в лесу.

– Осень, дождь, но тепло.

– Я серьезно.

– Если серьезно... – Галуздин чуть помолчал, а когда снова заговорил, его голос прозвучал сухо, по-деловому: – По свету разглядели, что яма оказалась могилой. Пусть неглубокой, но форма и назначение сомнений не оставляют. На дне, присыпанные землей, лежали все вещи Безрукова: тренировочные брюки черного цвета, тонкий коричневый свитер с синим рисунком, бледно-голубая рубашка, пара темных полуботинок. Ну и, конечно, белье. Одежда вся в бурых пятнах.

– Хотите сказать... – Дайнека притихла.

– Думаю, Безруков сам вырыл себе могилу. Точнее, его заставили это сделать.

– Значит, он был не один?

– С ним был кто-то еще, но дождь не оставил следов. Недалеко от ямы нашли лопату и веревку. Возможно, и то и другое – пансионатское.

– Выходит, он сам их принес?

– Это было бы глупо. По другой версии, тот, кто был рядом с ним, тоже пришел из пансионата.

– Здесь живут одни старики.

– А я и не говорю, что преступник – пансионер или кто-нибудь из обслуги. Он мог появиться извне.

– Что скорее всего.

Галуздин издевательски улыбнулся:

– Тогда вот вам небольшая ремарка: в этом, последнем случае вы как тайный агент мне не нужны.

– Я нужна в любом случае, – невозмутимо парировала Дайнека. – И вот что... Лопату, веревку и одежду скорее отправьте на экспертизу.

– Слушаюсь... – с преувеличенной готовностью ответил следователь. – Спасибо, что подсказали. Без вас ни за что бы не догадался.

– А мы, кстати, пришли.

Поднявшись по шероховатому пандусу, они прошли по лестнице на второй этаж и сразу оказались в гостиной.

– Видите тот плафон? – спросила Дайнека.

Следователь уточнил:

– Который из трех?

– Я не про лампы. Взгляните на потолок.

– Зачем? – Галуздин поднял глаза.

– На нем нарисован герб графа Измайлова.

– Тьфу ты... – следователь оглядел гостиную. – Где Артюхова?

Дайнека деликатно кивнула:

– Красивая дама, которая сидит одна за столом.

– Старуха с хвостом?

– Ее зовут Ирина Маркеловна.

Следователь направился к Артюховой.

Та повернула голову, мотнув пепельным, не по-старушечьи объемным хвостом, в который были собраны волосы. Она выглядела ухоженной и опрятной: прямая спина, изящная шея, в ушах – тяжелые антикварные серьги. Загорелое, без морщин, лицо с круглым лбом. На ее хрупкие плечи была накинута ажурная трикотажная кофточка цвета перванш¹.

– Здравствуйте. Вы ко мне?

---

¹ Бледно-голубой с сиреневым оттенком.

– К вам, – Галуздин огляделся в поисках свободного стула и, когда нашел, подтащил его ближе. Взглянув на стол, где были разложены карты, поинтересовался: – Это пасьянс?

Артюхова повременила с ответом, только спросила:

– Чем обязана?

– Я следователь, – отрекомендовался Галуздин и сел напротив нее.

В гостиной стало тихо. Все, кто сидел у телевизора, играл в карты или читал, повернули к ним головы.

– Можете заниматься своими делами! – объявил следователь и положил свой блокнот поверх пасьянса артистки.

– Будете допрашивать? – Артюхова переложила блокнот. – Зачем же портить пасьянс...

Галуздин не возразил, просто сдвинулся в сторону:

– Где вы были вчера после ужина?

Артюхова взяла карту и стала прикидывать, куда ее положить:

– Здесь.

– Так и запишем: в гостиной.

– И не просто в гостиной, – артистка заменила несколько карт. – Я сидела здесь, а Тихон Иванович – на вашем месте. Вы сели на тот же стул.

– Во сколько Безруков подсел к вам? – уточнил следователь.

Она пожала плечами:

– Не помню.

– Постарайтесь припомнить.

– Как только вернулся с ужина.

– Значит, после семи?

– Где-то так... – Определив, наконец, карту на нужное место, Артюхова подняла глаза на Галуздина: – Скажите, нас обманывают или Безруков на самом деле остался жив?

– Жив, но пока не пришел в себя.

– Знаете, – сказала артистка, – здесь практикуют ложь во всеобщее благо. Когда кто-то из стариков умирает, нам говорят, что его увезли в больницу.

– Зачем? – не понял следователь.

– Чтобы никого не расстраивать. В пансионате все только и думают, что о смерти, – Артюхова взяла еще одну карту и тяжело вздохнула: – О чем еще думать старому человеку?

Дайнека между тем преодолела несколько метров и опустилась на диван с высокой спинкой, из-за которой ее не было видно. Отсюда она слышала каждое их слово.

– Мы все делаем вид, что заняты, – продолжила Артюхова. – При этом говорим всего на три темы: о смерти, о еде и о лекарствах. Возвышенное всегда рядом с обыденным. Такова жизнь.

– О чем вы говорили с Безруковым?

– Вчера?

– Вчера после ужина.

– О том же, о чем на ужине.

– Ну хорошо, – следователь не стал ее подгонять. – О чем вы говорили на ужине?

– О смерти, еде и лекарствах.

Галуздин откинулся на спинку стула. В ходе разговора его не оставляло странное чувство: какой бы темы они ни коснулись, она тут же была исчерпана. Вот и теперь все пошло не в то русло. Он уточнил:

– У меня есть информация, что Безруков за вами ухаживал.

– Скажем так: Тихон Иванович искал взаимности.

– А это как вам угодно. – Следователь что-то отметил в блокноте. – Ну так что? Между вами были какие-то отношения?

Артюхова снисходительно улыбнулась:

– Дорогой мой товарищ...

– Следователь, – подсказал ей Галуздин.

Она умиротворенно кивнула и повторила:

– Дорогой товарищ следователь... Старость – большое свинство. Поэтому я не позволяю себе забываться. У нас с Безруковым нет и не может быть никаких отношений, кроме соседских.

– Понял. Тогда расскажите, как он выглядел. Не был ли огорчен или испуган?

– Ничего такого я не заметила. – Артюхова убрала несколько карт, а потом смешала оставшиеся: – Так и думала.

– Что? – уточнил следователь.

– Его хотели убить.

– Безрукова?

– Да. Его хотели убить. Машина тут ни при чем.

– Не понимаю...

– Машина, на которой ехал наш бедный Квят, помешала убийце.

– Машина сбита Безрукова, – неприязненно уточнил Галуздин.

Артюхова кивнула:

– Согласна с вами, альтернатива не слишком завидная, но все лучше, чем смерть.

– Знаете что... – Помолчав, следователь все же продолжил: – Мне кажется, вам известно больше, чем вы рассказали. С чего вы взяли, что Безрукова намеревались убить?

Артюхова показала на карты:

– Разложила пасьянс.

– И что?

– Вы не знали, что пасьянс используют для гадания?

– Впервые слышу. К тому же это не относится к делу.

– А что относится?

– Факты, вещественные доказательства и чистосердечные признания.

– К сожалению, мне не в чем признаться, – вздохнула артистка.

– Во сколько в гостиной погас свет?

– Что погас – помню. Когда именно – нет. – Она собрала карты в колоду. – Боже мой, ну почему мы стареем?

– Что было после того, как здесь стало темно?

– Мы все разошлись по комнатам.

– Я спрашиваю, что делали Безруков и вы.

– У нас не было общих целей. Я ушла в свою комнату. Куда пошел он, не знаю.

– Кто в тот вечер находился в гостиной?

– Здесь всегда все одинаково. – Артюхова повела взглядом: – И вчера ничего не менялось.

– Давайте вспомним всех поименно, – сказал Галуздин. – Старуха в шали, та, что играет в карты, была?

– Ерохина? Куда же ей деться...

– Старик в очках?

– С кроссвордом? – уточнила она. – Бирюков Виталий Самойлович сидел там же.

На этом месте их разговора у Дайнеки зазвонил телефон. Она вскочила и вышла в коридор:

– Слушаю...

– Людмила Вячеславовна?

– Да, это я.

- Вы прислали нам свое резюме.
- Резюме? Ну, если вы говорите...

Звонившая уточнила:

- У вас уже есть работа?
- Нет, я не работаю, – соврала Дайнека.
- Тогда приходите на собеседование.
- Куда?
- Записывайте адрес.
- Говорите, я просто запомню.

После этого она поинтересовалась, во сколько ей нужно явиться на собеседование.

Как только разговор был окончен, за спиной раздался старушечий вздох, и кто-то сказал:

- Очень жаль...

Резко обернувшись, Дайнека увидела милую старушку в инвалидной коляске. На коленях у нее лежало вязание.

- Что вы сказали?

Та повторила:

- Я сказала: мне очень жаль.
- Чего?
- Уходите от нас?

Дайнека снова слукавила:

- С чего вы взяли?
- Вам не идет врать. Вы хорошая девочка.

Покраснев, Дайнека пробормотала:

- Это еще не точно.

– А мы так надеялись, что вы приработаетесь. – Старушка протянула маленькую сухую кисть: – Темьянова Лукерья Семеновна.

– Людмила. Если хотите, зовите меня Дайнекой, – сказала она и пожала Темьяновой руку.

- Не отвезете меня в гостиную? – попросила старушка.

– Конечно! – Дайнека взялась за спинку инвалидной коляски и, выкатив ее на середину гостиной, установила напротив телевизора.

- Людмила Вячеславовна! – окликнул ее следователь Галуздин.

Она подошла к нему:

- Вы закончили?
- На сегодня хватит. Теперь домой, отсыпаться.
- Когда вы снова приедете?
- Пока не знаю. Возможно, завтра, но не уверен.
- Что ж, до свидания.

– У нас уговор, – напомнил Галуздин. – Надеюсь, вы поговорите со стариками, узнаете про Безрукова. С кем дружил, кто его не любил, с кем случались конфликты.

- Я постараюсь.

Когда следователь ушел, Дайнека отправилась в свою комнату, надеясь отоспаться за два беспокойных дня.

Глава 7

Ночные страхи

Дайнека точно знала: в таком состоянии, между явью и сном, к ней являются самые важные решения и даже предвидения. Она то ли спала, то ли дремала, перебирая в голове воспоминания о дорогих ей людях и важных событиях.

Не было и двенадцати, когда сквозь сон она различила звуки шагов и разговоры кухонных работниц, вернувшихся из общего корпуса. Потом у ее двери остановились две женщины. Один голос Дайнека узнала даже во сне. Это была Лариса, медсестра, которая выхаживала ее после обморока.

Но вдруг, перекрывая все эти звуки, издали донесся протяжный вопль. Мгновенно проснувшись, Дайнека приподняла голову над подушкой и определила: кричала какая-то женщина. Мимо ее двери один за другим пробежали несколько человек, и сразу все стихло.

Дайнека вскочила с постели, схватила халат и, забыв о том, что нужно включить свет, стала искать тапки. Когда, наконец, нашла, вылетела за дверь и, забыв ее запереть, бросилась к стеклянному переходу, ведущему в спальный корпус, откуда, по ее предположению, донесся тот страшный крик.

Когда, миновав темную гостиную, она свернула в коридор, то увидела, что туда высыпали едва ли не все обитатели спального корпуса. По крайней мере, те, кто жил на втором этаже, толпились у распахнутой двери крайней комнаты. Дайнека подошла ближе, а потом протиснулась в комнату, где на полу лежала старая женщина с растрепанными волосами. Это была Лукерья Семеновна Темьянова, старушка с вязанием. Несколько часов назад Дайнека сама вывезла ее на коляске в гостиную.

– Жива? – встревоженно спросила Дайнека.

Сидящая на корточках рядом с Темьяновой Лариса вскинула голову:

– Не нужно сеять панику. С ней все в порядке. – Медсестра обратилась к пансионерам, которые заглядывали в комнату из коридора. – Пожалуйста, расходитесь!

По тому, как быстро все разошлись, было ясно: их многому научила долгая жизнь и пребывание в этом пансионате.

Дайнека уходить не спешила. Кроме нее и Ларисы в комнате остался дежурный, прибежавший с первого этажа.

– Что с ней? Почему она лежит на полу? – снова спросила Дайнека.

– Лукерья Семеновна – немолодая женщина. К этому возрасту у человека накапливается много болезней. Если я начну перечислять все болячки Темьяновой, до утра не управимся.

– Она дышит? – поинтересовался дежурный.

Дайнеке показалось, что спросил он только для того, чтобы оправдать свое появление.

– Возвращайтесь на пост. Ваша помощь мне не нужна, – распорядилась Лариса.

В дверях дежурный столкнулся с медсестрой в зеленом брючном костюме. Моргая заспанными глазками, она застыла у входа:

– Что случилось?

– Это я у тебя должна спросить, что здесь случилось!.. – огрызнулась Лариса.

– Я... просто я...

– Молчи, Татьяна! Завтра же напишу докладную на имя Водорезова. Я из общежития успела прибежать на ее крик. Где ты была во время дежурства?

Девушка опустила голову.

– Спала? – осведомилась Лариса. – Спала так крепко, что не услышала крик?

Медсестра виновато кивнула.

– Бери бабушку за руки. Нужно перенести ее на кровать.

Дайнека помогла медсестрам поднять старуху. Лариса присела рядом с Темьяновой и взяла ее руку. Слушая пульс, коротко приказала Татьяне:

– Быстро принеси тонометр.

Та убежала за аппаратом и вскоре вернулась.

Лариса натянула надувную манжету на старухину руку и включила прибор. Спустя минуту сказала:

– Артериальное давление низкое. Срочно набери однопроцентный раствор мезатона и пятипроцентный эфедрин.

Дежурная медсестра уточнила:

– В один?

– В два!

Татьяна убежала, а Дайнека спросила:

– Что значит, в один?

– Речь идет о шприцах.

– А-а-а-а...

Не успела Дайнека закрыть рот, как старуха открыла глаза, обвела взглядом комнату и застонала:

– М-м-м...

– Что? Что? – мягко спросила Лариса.

– Где? – Темьянова указала рукой на темное окно, а потом повела ее по комнате.

– Я не понимаю.

– Где эта женщина?

– Ушла за лекарствами.

– Да нет же... – прошептала Дайнека. – Неужели не понимаете? Она говорит о другом.

– Что вы хотите сказать? – Лариса склонилась к Темьяновой.

– Я видела ее... – прошептала старуха. – Она влетела в окно.

– Кто?

– Эта женщина.

– Как она выглядела? – вмешалась Дайнека. – Вы ее разглядели?

– У нее были крылья... Да-да... Два белых крыла. – Темьянова указала в угол за шкафом. – А тот, в черном... Он стоял там.

– Здесь был еще кто-то? – удивилась Лариса, и они с Дайнекой переглянулись.

– Мужчина... – старуха еле ворочала языком. – Маленького роста, будто ребенок.

– И где же эти двое сейчас? – оптимистическим голосом поинтересовалась Дайнека.

– Тот, что был в черном, навалился на меня и начал душить... – Темьянова дотронулась до своей шеи, на которой пламенели красные пятна.

Лариса отвела ее руку и скосила глаза на Дайнеку, как будто призывая быть свидетелем невозможного.

– А потом?

– Я закричала.

Дайнека прошла к окну и дернула створку. Обернувшись, сказала:

– Окно не закрыто.

– Подул ветер, оно распахнулось, и сделалось холодно. – Темьянова поежилась и тяжело перевела дыхание. – Потом прилетела та женщина.

– Это я прикрыла окно. Оно было распахнуто. Чертовщина какая-то! – не сдержалась Лариса и, взглянув на Дайнеку, спросила: – Вы что-нибудь понимаете?

Не зная, что еще можно сказать, та честно созналась:

– Нет, ничего.

К счастью, пришла Татьяна и вколола старухе лекарство. Лариса выключила верхний свет, оставив ночник, и велела медсестре сидеть в комнате до утра. Сама же вместе с Дайнекой вернулась в общежитие персонала, где, простившись, они разошлись по своим комнатам.

У Дайнеки не получилось заснуть. Она долго ворочалась, потом встала, проверила, закрыто ли окно, и наглухо задернула шторы. Побродив по комнате, вышла в коридор и, наконец, призналась себе, что боится оставаться одна.

В комнату вернулась только тогда, когда за дверьми начали трезвонить будильники, и стали просыпаться работники кухни. В результате Дайнека пришла на работу, проспав всего три часа.

На этот раз никто не ждал ее у дверей. Она успела прийти в себя и даже доест шоколадку, которая со вчерашнего дня лежала в ящике стола. Часов в одиннадцать явилась, вернее, прикатила первая читательница. Как ни странно, ею оказалась Лукерья Семеновна Темьянова. Ее привез бодренький старичок, которого Дайнека видела вчера вечером в гостиной у телевизора. Он втолкнул в комнату коляску с Темьяновой и удалился.

– Доброе утро, – сказала Лукерья Семеновна. – Вас не было на завтраке. Почему? Вы такая худенькая, вам нужно питаться.

Дайнека ответила:

– Решила подольше поспать.

– Простите, – огорчилась старуха. – Сама не знаю, как это случилось. Я помню, что вы были рядом. Вы и Лариса.

– Мы перепугались, – подтвердила Дайнека. – Но вашей вины в этом нет. Кажется, вы кого-то увидели?

Темьянова отвела глаза.

– Теперь у меня ни в чем нет уверенности.

– На вашей шее были красные пятна.

Старуха машинально проверила пуговицы закрытого платья.

– Мне бы не хотелось об этом...

Дайнека не отступала:

– Вы видели женщину с крыльями?

– Я сказала: женщину в белом, – уточнила Темьянова.

– Да нет же... Я помню. Вы сказали, что у нее было два белых крыла.

– И вы поверите в летающую женщину?

– Но вы же ее видели! – Дайнека повторила: – Вы ее видели?

Старуха сдалась:

– Видела.

– Вот так, прямо...

– ...как вас.

– Боже мой! – заволновалась Дайнека. – Этого просто не может быть!

– Ну вот. Вы тоже не верите... Стараетесь, но не можете. Если узнает Песня, меня упекут в сумасшедший дом.

– Не то чтобы не верю. Просто сомневаюсь немного. Ну, предположим, она влетела в окно. Но кто же его открыл?

– Во-первых, не предположим. Она была в моей комнате. Что касается окна, его мог открыть тот мужичок... – Лукерья Семеновна мелко перекрестилась. – Думаю, это был черт.

– Не советую вам так говорить, – сказала Дайнека. – Если узнает Песня...

– Вы правы. Об этом нужно забыть. Спишем на то, что я уже старая. К тому же у нас, артистов, живое воображение.

Дайнека улыбнулась:

– Смотрю на вас и думаю: на артистку вы не похожи. Скорее, на учительницу.

– Я сорок лет прослужила в театре, – с достоинством проговорила Темьянова. – Больших ролей не играла. Сначала выходила в массовке. Потом – «кушать подано». К тридцати годам начала играть подружек героинь. Ну и, конечно, все инженеру² и трагисту³ были моими. Рост маленький, комплекция подходящая. Худо-бедно выучилась кривляться и говорить тонким голосом. Если бы перешла в детский театр, а меня туда звали, играла бы главные роли. Да вот, глупая, припала к взрослому драматическому, да так и проработала до пенсии... – она вздохнула и ласково улынулась. – Последние годы играла старух. Наш актерский удел: возрастных ролей в пьесах мало.

– Могу я вас спросить?

– О чем, деточка?

– Почему вы попали сюда?

– Потому что осталась одна, – Темьянова похлопала Дайнеку по руке. – Если хотите узнать про детей и мужа, я незамужняя. Сыночек Ванечка был, да умер. Трех лет не прожил.

– Простите...

– Не за что, дорогая. С годами я поняла: несчастье входит в ту дверь, которую для него открыли. Я сама виновата во всех своих бедах. Могла выйти замуж за хорошего человека, да полюбила никчемного. Что до Ванечки моего, и здесь – кругом виновата. Театр поперек любви к сыночку поставила. Думала, что карьера важнее. Так что не жалеете меня. И не молчите. Не хочу, чтобы над нашими головами «кружила грустная птица молчания»⁴. Читали Трумэна Капоте?

– Читала «Завтрак у Тиффани». Но только после того, как посмотрела кино.

– У него есть рассказ «Воспоминания об одном Рождестве». Когда читаю, всегда вспоминаю детство... – Темьянова опустила глаза и вдруг замолчала.

Дайнеке показалось, что она старается не заплакать.

– Давно хотела вас расспросить...

– Третий день работаете, – сквозь слезы улынулась старуха, – а уже столько вопросов.

– Лукерья Семеновна, вы хорошо знакомы с Безруковым?

– Не лучше, чем с остальными.

– Что он за человек? Кто его друзья? Какие у него увлечения?

В старушечьих глазах зажглось любопытство:

– Тогда и я вас спрошу: Тихон Иванович жив?

– Жив, но пребывает в беспамятстве.

– Он не умрет?

– Все будет хорошо. Я в этом уверена. Так что насчет его увлечений?

– Знаете, как Безрукова прозвали наши пансионатские? – спросила старуха.

– Нет.

– Его прозвали Следопытом.

– И что это значит?

– Он был очень собранным и внимательным человеком... – старуха перекрестилась. – Тьфу-тьфу-тьфу! Прости мою душу грешную! Не был, а есть. Безруков все обо всех знает и все замечает. Он в курсе всего, что происходит в пансионате. Возможно, просто любопытный или глазастый, как говорят. Все утерянные вещи находит Безруков. Он первым замечает потерянные шарфы, очки, телефоны. Был, например, случай: Васильева Эльвира Самсоновна потеряла свою косметичку...

---

² Актерское амплуа на сцене – наивная девушка.

³ Актерское амплуа на сцене – актриса, исполняющая роль мальчика.

⁴ «Летний круиз» – роман Трумэна Капоте.

– Кто такая Васильева?
– Оперная певица, драматическое меццо-сопрано...
– До сих пор поет?
– Нет, что вы! Ей почти восемьдесят.
– Но Артюхова-то еще играет на сцене.
– Артюхова – талант, – Темьянова покачала головой. – А Васильева – просто стерва.
– Что это значит?
– Со временем поймете.
Дайнека недовольно пожала плечами:
– Все только и обещают, что когда-нибудь я все пойму.
– Так вот, – продолжила старуха. – Когда Васильева потеряла косметичку... А она повсюду ее с собой таскает. Жить без нее не может. Красится, как базарная шлюха...
– Лукерья Семеновна!
– А что я сказала? – удивилась Темьянова. – Шлюха – литературное слово. Читайте классиков, дорогая.
– Безруков нашел ее косметичку? – догадалась Дайнека.
– И знаете где? В круглой беседке.
– В ротонде? Недалеко от забора?
– Как думаете, что Васильева там делала? – старуха не по-доброму закивала и понизила голос: – Предавалась разврату.
– Слишком радикально, – улыбнулась Дайнека. – Возможно, у нее было свидание с каким-нибудь старичком.
– А я про что говорю?
– Может быть, хотите выбрать другую книгу? – сменила тему Дайнека.
– Сначала отдам ту, что прочла, – старуха взяла с колен книжку и положила перед ней на стол.
– Ого! – Дайнека даже присвистнула. – Исайя Берлин!⁵
– Должна признаться, я мало что поняла, – смутилась Темьянова. – Взяла наугад и ошиблась.
– По крайней мере, вы попытались...
– Могу выбрать другую? – осведомилась Лукерья Семеновна.
– Конечно. Проходите, пожалуйста.
Старуха взялась за колеса инвалидной коляски и покатила между книжными стеллажами.
Дайнека отметила книгу Берлина и отложила для себя. Как только она закончила, в библиотеку вошла Татьяна Ивановна Песня. Приветствуя директрису, Дайнека поднялась со своего места.
Та махнула рукой:
– Необязательно вставать. Мы с вами не в школе. Здравствуйте, Людмила Вячеславовна.
– Здравствуйте Татьяна Ивановна, – Дайнека продолжала стоять, не зная, чего ожидать.
– Есть одно дело, – сообщила наконец Песня. – Идемте, я покажу.
Они прошли в глубину помещения, где на стеллажах стояли разных размеров коробки. Их было штук тридцать.
– Вот... – сказала Татьяна Ивановна. – В этих коробках находится что-то вроде архива. Возможно, он принадлежал графской семье. Не исключая, что его спрятали после револю-

---

⁵ Английский философ с русскими корнями, переводчик русской литературы и признанный авторитет в области философской мысли.

ции, когда Измайловы уже сбежали в Париж. Я проверяла, там есть кое-какие книги, брошюры, но в основном – письма и документы.

Дайнека спросила:

– Откуда это взялось?

– Кажется, я вам уже говорила: дворцовый комплекс выстроен бестолково. Множество подвалов, ходов, переходов. Наши корпуса – настоящие лабиринты, не говоря о чердаках и подвалах. Реконструкцию и ремонт сделали недобросовестно, я бы сказала, поверхностно. Самый запущенный – третий корпус, где вы еще не бывали. При Измайловых это здание было одноэтажным. Там располагалась оранжерея и что-то вроде гостевых помещений. В тридцатых годах прошлого века его перестроили, добавили еще два этажа. Но ни тогда, ни теперь подвальных помещений почти не затронули. Там, в подвале под лестницей, наш хозяйственник обнаружил нишу, закрытую дощатым щитом. В ней был свален весь этот хлам, – директриса неодобрительно оглядела коробки. – Мы, конечно, сообщили, куда следует, но к нам никто не приехал. Я лично звонила в столичные музеи, в Министерство культуры. Видно, никому не нужно наше богатство.

– Что я должна сделать? – поинтересовалась Дайнека.

– Все разобрать. Пригодные книги определить в библиотеку. Систематизировать, по возможности, документы.

– Понадобятся годы работы! – возразила Дайнека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.